

АНТРОПОМОРФНЫЕ ПЕРСОНАЖИ В УКРОЧЕННЫХ ШТАНАХ В НАСКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ

О.С. Советова

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия
olgasovetova@yandex.ru

Аннотация. В наскальном искусстве антропоморфные персонажи в ритуальной, национальной одежде, костюме воина и охотника нередки, но степень детализации таких изображений различна. Поэтому очень важно выявить все элементы одежды, воспроизведенной в петроглифах, для дальнейших исторических реконструкций. В статье рассматриваются некоторые антропоморфные персонажи в укороченных штанах, зафиксированные в наскальном искусстве Минусинской котловины. Такие фигуры выполнены гравировкой и выбивкой и включены, как правило, в батальные сцены. Относятся они главным образом к тесинской и таштыкской эпохам. Сопоставление с другими изобразительными аналогиями, в том числе и с наскальными изображениями, позволило сделать предположение, что один из персонажей, обнаруженный на скалах Тепсея, изображен в «брючном» доспехе, как и рыцарь с горы Чалпан. По определению С.В. Панковой, выделившей три основные группы воинов в таштыкском искусстве, так изображались представители пришлового населения. Можно сделать предположение, что воевали также и в кожаных или меховых штанах, распространенных у многих сибирских народов, в том числе у тесинцев и таштыкцев, о чем свидетельствует сохранившаяся органика из погребений (пазырыкские, оглахтинские материалы). Это относится в основном к фигурам, выполненным техникой выбивки. Анализ изобразительных источников и выделение сюжетных и стилистических особенностей позволяет расширить характеристику военного дела населения, обитавшего на территории Минусинской котловины в эпохи больших перемен, когда в наскальном искусстве происходит всплеск интереса к батальной тематике, отразившей борьбу местного населения с вторгавшимися чужеземцами.

Ключевые слова: археология, первобытное общество, наскальное искусство, Минусинская котловина, изображения воинов.

В наскальном искусстве антропоморфные персонажи в одежде нередки, хотя их детализация различна и зависит как от техники выполнения, так и от времени создания рисунков. Например, мы можем увидеть изображения красавиц с серьгами, ожерельями, со сложными прическами, в длинных платьях или орнаментированных юбках; воинов и охотников в характерных головных уборах, разнообраз-

Советова Ольга Сергеевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры археологии КемГУ.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-11-42006.

ной одежде и средствах защиты; шаманов или иных персонажей в замысловатых головных уборах и орнаментированной, сложной одежде, а также в национальном костюме и т.д. Степень такой детализации всегда различна, но тем не менее анализ всех элементов костюма, отображенных в наскальном искусстве, является важным историческим источником, особенно для эпох, от которых не дошли органические материалы, позволяющие реконструировать реальный костюм древнего и средневекового человека. В настоящее время существует немало работ, посвященных характеристике разных компонентов одежды, отображенной в наскальном искусстве, но, пожалуй, наименее изученной остается одежда поясная. Среди рисунков Минусинской котловины имеются антропоморфные изображения в юбках и штанах, но таких персонажей не так уж много по сравнению с бесчисленными схематичными фигурами, показанными с минимальной детализацией.

В этом ключе интересны изображения, у которых можно идентифицировать такой элемент одежды, как штаны. В узких укороченных, слегка расклешенных «брючках» показаны персонажи, которых датируют примерно второй половиной XIX в., на скалах Оглахты¹. В штанах типа шароваров показаны некоторые енисейские всадники, зафиксированные на скалах целой группы памятников: Потрошиловской, Лынищенской писаницах, на Тепсее, Усть-Тубе, Оглахты². Датировка их дискуссионна, но скорее всего они могут быть отнесены к тесинскому времени и началу таштыкской эпохи. Нередко гравированные таштыкские персонажи изображены в «облегающих» штанах, а у одного суханинского «таштыкца» показаны штаны (?) с поперечными полосами³ и т.д.

Но среди антропоморфных фигур воинов и охотников встречаются такие, у которых «штаны» выглядят «укороченными» – иногда они доходят до колен, иногда чуть ниже или выше колена. Персонажи в таких штанах представлены на скалах Сундуков⁴, Оглахты, Тепсее, Усть-Тубе⁵, на одном из курганных камней в Салбыкской степи⁶ и на других памятниках (рис. 1). Все они скорее всего также относятся к тагаро-таштыкскому и таштыкскому времени. Персонажи представлены в разных позах, чаще всего в движении. Нередко у фигур, выполненных выбивкой, штанины выглядят как два прямоугольника, у гравированных встречаются разные варианты: на Тепсее, например, выявлены остатки гравированной фигуры человека, стоящего в лодке (?) в штанах, достигающих до колена (датировка его неясна) (рис. 1, 1), на Усть-Тубе у таштыкской гравированной фигуры «штаны» с орнаментом (о том, что это именно штаны, указывает, помимо прочего, и разная длина штанин, и показанная оголенной часть ноги) (рис. 1, 2). Имеются и другие варианты. Можно, конечно, предположить, что таким изобразительным приемом представляли расходящиеся полы одежды, но нередко показан нижний срез штанин, что свидетельствует о том, что это штаны и есть.

Можно привести немало примеров, когда в наскальном искусстве определенных эпох складывается устойчивая традиция условной передачи элементов

¹ Кызласов, Леонтьев 1980, 29, рис. 16.

² Миклашевич 2012, табл. I–II.

³ http://rockart-studies.ru/?page_id=844

⁴ Ларичев 2003, рис. 19, 20; Ларичев, Гиенко, Паршиков 2013.

⁵ Кызласов 2012, рис. VII.

⁶ Кызласов 1990, рис. 1, 2.

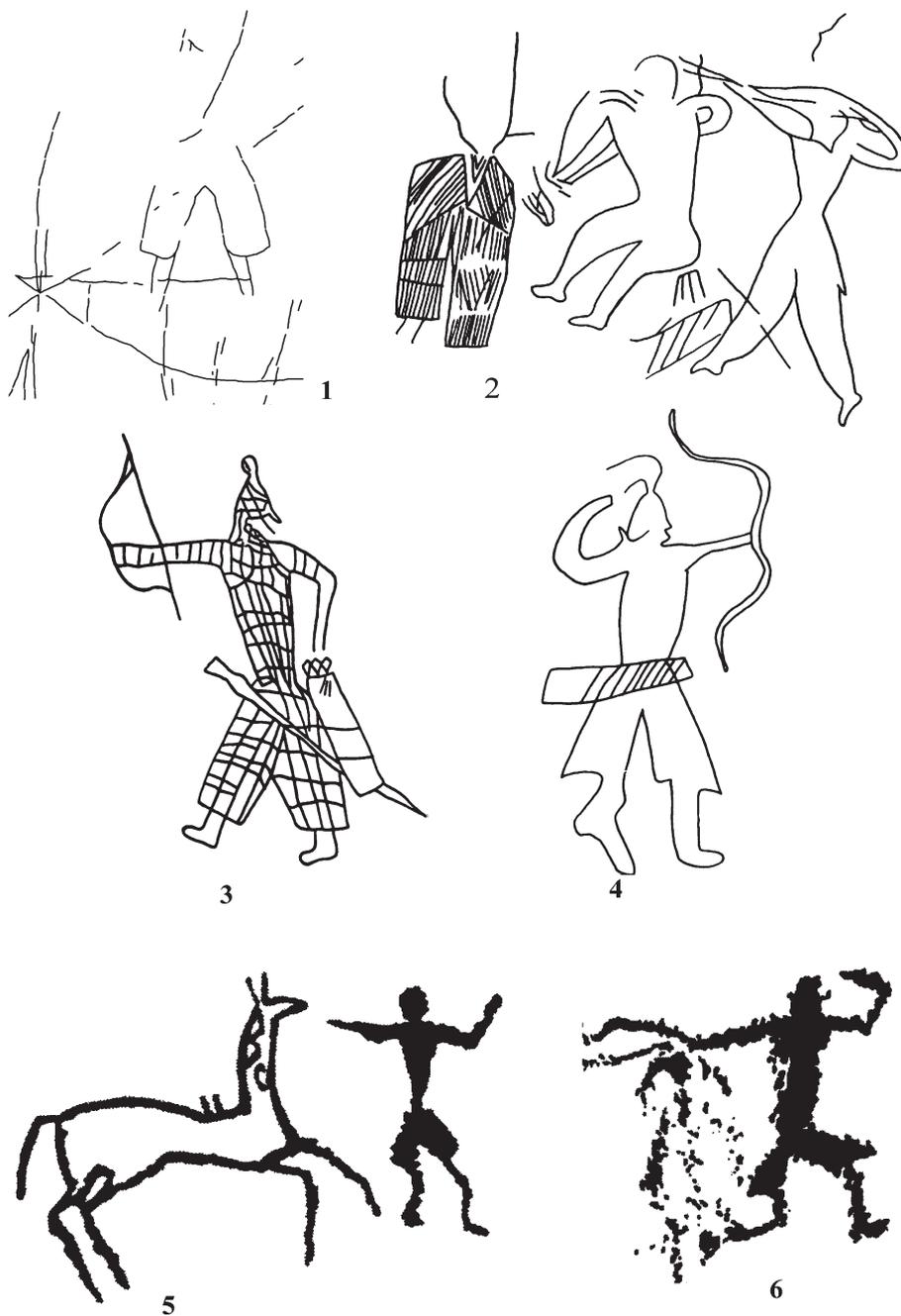

Рисунок. 1 – Тепсей II (прорисовка И.В. Аболонковой); 2 – Усть-Туба (по: Кызласов 2012); 3 – гора Чалпан (по: Кызласов 1990); 4 – рисунок на курганном камне из Салбыкской степи (по: Кызласов 1990); 5 – Оглахты (прорисовка Е.А. Миклашевич); 6 – Четвертый Сундук (по: Ларичев 2003).

одежды. Например, в таштыкском искусстве Минусинской котловины известен изобразительный прием, когда у антропоморфного персонажа показывали расширяющийся книзу «кафтан», куртку или иной вид плечевой одежды, изображенный «уголком» на бедре. Этот прием хорошо известен, вполне устойчив в наскальном искусстве и по сути является диагностирующим признаком принадлежности рисунка к таштыкской изобразительной традиции. Или, например, описывая изображения «длиннополых» персонажей той же эпохи, С.В. Панкова отмечала наличие у них своеобразных «шлейфов», которые, по ее мнению, могли отражать не только реалии костюма, но и особенность иконографии⁷. Н.В. Полосьмак видит в своеобразном заостренном «хвостике» у антропоморфных фигур в наскальном искусстве Алтая передачу характерных для всадников пазырыкской культуры шуб с языкообразным хвостом. Можно привести и другие примеры.

Если обратиться к погребениям с сохранившейся органикой, то укороченные штаны, сделанные из разных материалов, зафиксированы в них. Например, в «замерзших» могилах Укока найдены штаны, сделанные из шерстяной ткани и имеющие определенный крой и цвет⁸. Но эти штаны были не только укороченными, но и зауженными, чтобы поверх них можно было надеть высокие шерстяные чулки. А в наскальном искусстве штаны имеют одинаковую ширину по всей длине. В то же время Н.В. Полосьмак и Л.Л. Баркова отмечали, что в восточной части Горного Алтая местные племена изготавливали штаны разной длины, в том числе и чуть выше колен [курсив мой. – О.С.], которые также заправлялись в обувь⁹. Замечу также, что короткие штаны-шорты были найдены и при раскопках пазырыкского кургана Олон-Курун-Гол-10 в Монголии¹⁰, причем, казалось бы, аналогичные тем, что отображены в наскальном искусстве. Но это был наскоро сшитый погребальный вариант штанов, выполненный из грубой ткани. Эти очень короткие штаны – единственные в пазырыкской серии, все остальные более длинные, зауженные и заношенные, из более качественной ткани и хорошо окрашенные¹¹.

Судя по всему, изображенные на скалах штаны должны были быть выполнены из плотного материала, чтобы держать форму. Н.В. Полосьмак отмечает, что мы вправе предполагать, что у пазырыкцев, наряду с ткаными, бытовали меховые и кожаные штаны. Из таких материалов, судя по этнографическим данным, шили одежду скотоводы-кочевники. Она приводит в качестве примера фрагменты штанов из козьей кожи, обнаруженные в могильнике Шампула (Синьцзян), а также сведения В.В. Радлова, который писал о штанах алтайцев, выполненных из очень мягкой дубленой кожи горной козы¹². «Они носят очень широкие, едва заходящие за колено штаны <...> Скроены они совершенно прямыми, лишь между ног вставлены широкие клинья...»¹³. Г.Ф. Миллер сообщал, что в Сибири у всех народов штаны носят как мужчины, так и женщины. Длина этих штанов могла быть разной. Например, остяки на Кети издавна носили длинные штаны из ровдуг, доходящие до колен. Многие из сибирских народов штаны делали «из старого косульего

⁷ Панкова 2002.

⁸ Полосьмак 2001, 119.

⁹ Полосьмак, Баркова 2005, 83, 84.

¹⁰ Молодин, Парцингер, Цэвээндорж 2012, 524–527.

¹¹ Благодарю Н.В. Полосьмак за ценную консультацию.

¹² Полосьмак 2005, 85.

¹³ Радлов 1989, 130, 131.

или другого меха, у которого волосы сносились, доходят такие штаны от половых органов до колен, вверху нигде не имеют разреза»¹⁴.

Полный комплект таштыкской одежды сохранился на мужской и женской мумиях из могильника Оглахты, хранящихся в Эрмитаже. На мужчине была шуба из овчины, мехом внутрь, и штаны из овчины, заходящие за колено, напускные. Высокие меховые сапоги закреплялись ремешками в двух местах – у щиколотки и по верху голенища¹⁵. Меховые штаны на таштыкской мумии, по мнению Э.Б. Вадецкой, наибольшим количеством признаков (длиной до колен, ношением внапуск, завязками под коленом и креплением к голенищу обуви) схожи с натазниками ненцев и нганасан. Таштыкские меховые штаны завязывались под коленом и ремнями под пахом¹⁶. Т.е. нельзя отрицать того, что такие штаны вполне могли быть изображены на некоторых персонажах в наскальных сценах, поскольку традиция ношения штанов из шкур и кожи животных была весьма живучей.

И все же стоит обратить внимание, что во многих наскальных композициях персонажи в коротких штанах показаны в сценах баталий. Особенно это относится к ряду сцен со скал памятника Сундуки из Хакасии¹⁷, а также к тепсейскому гравированному персонажу, опубликованному И.Л. Кызласовым¹⁸ (рис. 2,6). К сожалению, тепсейская фигура довольно заветрена, другие антропоморфные персонажи этой сцены также сохранились неполностью, но о батальном смысле композиции свидетельствуют характерные позы персонажей: во всяком случае, одна из фигур изображена в традиционной для таштыкского искусства позе стрелка из лука, причем стрелок обращен в сторону фигуры, облаченной в укороченные «штаны». К сожалению, верхнюю часть фигуры задокументировать автору не удалось. «Штаны» отличаются своеобразной разрисовкой: они разделены линиями на отдельные секторы, заштрихованные косыми линиями, в верхней части прорисованы вписанные один в другой три уголка вершиной вниз. Штанины показаны разной длины, причем немного видна правая нога этого персонажа. Известно, что в таштыкских изделиях преобладает геометрический орнамент, в том числе в виде косых уголков, вписанных друг в друга, заштрихованных треугольников, зигзагов¹⁹. Но представляется, что в данном случае это не просто орнамент, а, вероятно, так передан защитный доспех, характерный для «таштыкских рыцарей»²⁰. Этот доспех передавался на скалах самыми разными способами: штриховкой, сеткой, квадратами, раппортами горизонтальных лент с внутренней штриховкой и т.д. Характеризуя серию рисунков таштыкских рыцарей, И.Л. Кызласов отмечал, что одним из вариантов таштыкского доспеха является кожаная рубаха с длинными рукавами, которая заправлялась в кожаные штаны. Он выделяет своеобразный «брючный» доспех, особенностью которого являются не только закрывающие торс панцири, но и покрытые стальными пластинками штаны прямоугольного покроя, достигающие лодыжек. Такой доспех показан у одного

¹⁴ Миллер 2009, 125.

¹⁵ Вадецкая 1999, 54.

¹⁶ Вадецкая 1999, 56.

¹⁷ Ларичев 2003; Ларичев, Гиенко, Паршиков 2013.

¹⁸ Кызласов 2012, рис. VII.

¹⁹ Вадецкая 1999, 63.

²⁰ Кызласов 1990, рис. 1–4.

из воинов с горы Чалпан²¹ (рис. 1, 3). Вероятно, это самая достоверная аналогия для тепсейского изображения: талии у обоих воинов тонкие, верхняя часть корпуса удлинённая, штаны массивные, практически одной длины. И.Л. Кызласов отмечает, что таштыкские доспехи представляли собой многообразное явление, но основные их виды были характерны в равной степени и для пехотных, и для кавалерийских формирований, а «брючные» доспехи были присущи пехотинцам²², что, собственно, отражено и в приведенных нами наскальных композициях – почти во всех сценах воины в коротких штанах участвуют в пеших боях.

Аналогичные «брючные» доспехи известны и у других народов, в частности, Э. Вернер приводит рисунок тщательно выполненных короткой кольчуги и штанов и подписывает его так: «туркестанский доспех со-цзе-га»²³. В изобразительном искусстве встречаются персонажи в коротких штанах, например, на котле из Гундеструпа короткие облегающие штаны многих персонажей иногда достигают колен, а бывают и еще короче. Ф. Каул полагает, что это несколько искаженное изображение кольчуги, характерной для традиционного боевого снаряжения фракийских воинов²⁴. На некоторых статуэтках воинов династии Тан²⁵ также представлены средства защиты в виде коротких штанов и доспеха, покрывающего верхнюю часть корпуса²⁶.

Таким образом, анализ наскальных композиций с антропоморфными персонажами, представленными в укороченных «штанах», затруднен из-за недостаточной детализации фигур, что в особенности относится к рисункам, выполненным техникой выбивки. Гравированные изображения нередко демонстрируют многие важные элементы костюма, что позволяет делать вполне обоснованные предположения о том, что некоторые персонажи, как это было в случае с тепсейским воином, изображены в «брючном» доспехе. По определению С.В. Панковой, собравшей огромный фонд источников и выделившей три основных группы воинов в таштыкском искусстве, так изображались представители пришлого населения (к которым отнесены все рыцари в доспехах²⁷). В эту же группу, скорее всего, следует отнести и воина в полном «брючном костюме», выгравированного на курганном камне из Салбыкской степи, обладателя мощного лука «хуннского типа»²⁸ (рис. 1–4). При атрибуции выбитых фигур необходимо учитывать, что художник мог рисовать вовсе не штаны, а расходящиеся полы верхней одежды, хотя, как правило, у таштыкцев обычно показаны короткие приталенные кафтаны, прикрывающие бедра²⁹. Материалы погребений свидетельствуют о том, что сибирские народы носили кожаные и меховые штаны, и не исключено, что в таких штанах изображены некоторые из воинов наскальных композиций. Для более глубоких выводов необходимо пополнение источниковой базы. Анализ изобразительных источников и выделение сюжетных и стилистических особенностей позволит

²¹ Кызласов 1990, рис. 4, 2.

²² Кызласов 1990, 188.

²³ Вернер 2009, 124.

²⁴ Kaul 1996, 42.

²⁵ Благодарю Л.Н. Ермоленко, предоставившую мне фотографию этих статуэток.

²⁶ Siren 1925, vol. IV, pl. 553.

²⁷ Панкова 2011.

²⁸ Худяков 1986, 91.

²⁹ Панкова 2011, рис. II, 7.

расширить характеристику военного дела населения, обитавшего на территории Минусинской котловины в эпохи больших перемен – в тесинское время и на протяжении всей таштыкской эпохи, когда в наскальном искусстве произошел всплеск интереса к батальной тематике, отразившей борьбу местного населения с вторгавшимися чужеземцами. Изучение особенностей одежды, отображенной в наскальном искусстве, в совокупности с другими важными атрибутирующими элементами, такими, как оружие, прически и т.д., позволит ответить на многие важные вопросы (кого из воинов можно считать «своими», кого «чужими»), уточнить датировки сцен и делать более глубокие исторические выводы.

ЛИТЕРАТУРА

- Вадецкая, Э.Б. 1999: *Таштыкская эпоха в древней истории Сибири*. СПб.
- Вернер, Э. 2009: *Оружие Китая. Развитие традиционного оружия*. М.
- Кызласов, И.Л. 1990: Таштыкские рыцари. В сб.: М.А. Дэвлет (ред.), *Проблемы изучения наскальных изображений в СССР*. М., 182–191.
- Кызласов, И.Л. 2012: Таштыкские рисунки на вершине горы Тепсей. В сб.: О.С. Советова, Л.Ю. Китова (ред.), *Археология Южной Сибири* 26. Кемерово, 103–108.
- Кызласов, Л.Р., Леонтьев, Н.В. 1980: *Народные рисунки хакасов*. М.
- Ларичев, В.Е. 2003: Тагарский героический эпос в образах наскального искусства Северной Хакасии. В сб.: А.Н. Алексеев (ред.), *Древние культуры Северо-Восточной Азии: Астроархеология. Палеоинформатика*. Новосибирск, 200–235.
- Ларичев, В.Е., Гиенко, Е.Г., Паршиков, С.А. 2013: Саратский Сундук: астрокомплекс наблюдения выхода солнца в зимнее солнцестояние и семантика связанных с ними петроглифов эпохи палеометалла Северной Хакасии. В сб.: А.П. Деревянко, В.И. Молодин (ред.), *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. 2013 г. XIX*. Новосибирск, 240–243.
- Миклашевич, Е.А. 2012: Лянищенская писаница. В сб.: Д.Г. Савинов (ред.), *Памятники наскального искусства Минусинской котловины: Георгиевская. Лянищенская. Улазы III. Сосниха* (Труды САИПИ. X). Кемерово, 28–56.
- Миллер, Г.Ф. 2009: *Описание сибирских народов*. М.
- Молодин, В.И., Парцингер, Г., Цэвээндорж, Д. 2012: *Замерзшие погребальные комплексы пазырыкской культуры на южных склонах Сайлюгема (Монгольский Алтай)*. М.
- Панкова, С.В. 2002: К интерпретации загадочных фигур из Хакасии. В сб.: *История и культура Востока Азии. 2*. Новосибирск, 135–140.
- Панкова, С.В. 2011: Воины таштыкских миниатюр. В сб.: *Древнее искусство в зеркале археологии* (Труды САИПИ. VII). Кемерово, 117–141.
- Полосьмак, Н.В. 2001: *Всадники Укока*. Новосибирск.
- Полосьмак, Н.В., Баркова, Л.Л. 2005: *Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.)*. Новосибирск.
- Радлов, В.В. 1989: *Из Сибири. Страницы из дневника*. М.
- Худяков, Ю.С. 1986: *Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии*. Новосибирск.
- Kaul, F. 1996: The Gundestrup Cauldron and the Periphery of the Hellenistic World. In P. Bilde et al. (eds.), *Centre and Periphery in the Hellenistic World*. Oxford, 39–51.
- Siren, O. 1925: *Chinese Sculpture from the Fifth to the Fourteenth Century*. London.

REFERENCES

- Kaul, F. 1996: The Gundestrup Cauldron and the Periphery of the Hellenistic World. In: P. Bilde et al. (eds.), *Centre and Periphery in the Hellenistic World*. Oxford, 39–51.
- Khudyakov, Ju.S. 1986: *Vooruzhenie srednevekovykh kochevnikov Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii* [Armament of medieval nomads of Southern Siberia and Central Asia]. Novosibirsk.
- Kyzlasov, I.L. 1990: Tashtytskie rytsari [Tashtyk Knights]. In: M.A. Devlet (ed.), *Problemy izucheniya naskal'nykh izobrazheniy v SSSR* [Problems in the Study of rock art in the USSR]. M., 182–191.
- Kyzlasov, I.L. 2012: Tashtytskie risunki na vershine gory Tepsey [Tashtyk images at the top of Tepsey mountain]. In: O.S. Sovetova, L.Ju. Kitova (eds.), *Arkheologiya Juzhnoy Sibiri* [Archaeology of Southern Siberia]. 26. Kemerovo, 103–108.
- Kyzlasov, L.R., Leontyev, N.V. 1980: *Narodnye risunki khakasov* [Folk drawings of Khakasians]. Moscow.
- Larichev, V.E, Gienko, E.G., Parshikov, S.A. 2013: Saratsky Sunduk: astrokompleks nablyudeniya vykhoda solntsa v zimnee solntsestoyaniye i semantika svyazannykh s nimi petroglyfov epokhi paleometalla Severnoy Khakasii [The Saratsky Chest is an astrocomplex observing the exit of the Sun in the winter solstice and the semantics of petroglyphs associated with the paleometal epoch of Northern Khakassia]. In: A.P. Derevjanko, V.I. Molodin (eds.), *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. Materialy itogovoy sessii IAET SO RAN 2013 g* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories. Proceedings of the 2013 Concluding Session of Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch RAS]. XIX. Novosibirsk, 240–243.
- Larichev, V.E. 2003: Tagarskiy geroicheskiy epos v obrazakh naskal'nogo iskusstva Severnoy Khakasii [Tagar the epic images of rock art in North Khakassia]. In: A.N. Alekseev (ed.), *Drevnie kul'tury Severo-Vostochnoy Azii: Astroarkheologiya. Paleoinformatika* [Ancient cultures of Northeast Asia: Astroarcheology. Paleoinformatics]. Novosibirsk, 200–235.
- Miklashevich, E.A. 2012: L'nishhenskaya pisanitsa [L'nischenskaya pisanitsa]. In: D.G. Savinov (red.), *Pamyatniki naskal'nogo iskusstva Minusinskoj kotloviny: Georgievskaya. L'nishhenskaya. Ulazy III. Sosniha* [The monuments of Rock Art of Minusinsk basin: Georgiyevskaya, L'nischenskaya, Ulazy III, Sosniha] (Trudy SAIPI [Proceedings of the Siberian Association of Researchers of Prehistoric Art]. X). Kemerovo, 28–56.
- Miller, G.F. 2009: *Opisanie sibirskikh narodov* [Description of the Siberian peoples]. Moscow.
- Molodin, V.I., Parcinger, G., Tseveendorzh, D. 2012: *Zamyerzshie pogrebal'nye komplekсы pazryrskoy kul'tury na yuzhnykh sklonakh Saylyugema (Mongol'skiy Altay)* [Frozen funerary complexes of Pazyryk culture on the southern slopes of Saylyugem (Mongolian Altai)]. Moscow.
- Pankova, S.V. 2002: K interpretatsii zagadochnykh figur iz Khakasii [The interpretation of the enigmatic figures of Khakassia]. In: *Istoriya i kul'tura Vostoka Azii* [History and culture of East Asia]. 2. Novosibirsk, 135–140.
- Pankova, S.V., 2011: Voyny tashtytskikh miniatyur: vozmozhnosti atributsii [Warriors of Tashtyk miniatures: the possibility of attribution]. *Drevnee iskusstvo v zerkale arkheologii* (Trudy SAIPI [Proceedings of the Siberian Association of Researchers of Prehistoric Art]. VII). Kemerovo, 117–141.
- Polosmak, N.V. 2001: *Vsadniki Ukoka* [Horsemen of the Ukok]. Novosibirsk.
- Polosmak, N.V., Barkova, L.L. 2005: *Kostyum i tekstil' pazryrkcev Altaya (IV–III vv. do n.e.)* [Costume and textiles of the Pazyryks of Altai (the 4th–3rd c. BC)]. Novosibirsk.
- Radlov, V.V. 1989: *Iz Sibiri. Stranitsy iz dnevnika* [From Siberia. Pages from the diary]. Moscow.
- Siren, O. 1925: *Chinese Sculpture from the Fifth to the Fourteenth Century*. London.

Vadetskaya, Je.B. 1999: *Tashtyyskaya epokha v drevney istorii Sibiri* [*Tashtyk epoch in the history of Southern Siberia*]. Saint Petersburg.

Verner, Je. 2009: *Oruzhie Kitaya. Razvitie traditsionnogo oruzhiya* [*Chinese weapons*]. Moscow.

ROCK ART OF MINUSINSK HOLLOW: ANTHROPOMORPHIC CHARACTERS IN SHORTENED TROUSERS

Olga S. Sovetova

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia
olgasovetova@yandex.ru

Abstract. In the rock art, anthropomorphic characters clad in ritual or national dress, warrior's or hunter's costume are not rare, but the degree of detail of such images is different. Therefore, it is important to identify all the clothing elements displayed in petroglyphs for further historical reconstructions. The article examines some anthropomorphic characters in shortened trousers, depicted in the rock art of the Minusinsk Hollow. Such figures are made by engraving and punching, and are shown, as a rule, in battle scenes. They relate mainly to the Tesin and Tashtyk epochs. The comparison with other pictorial analogies, including with rock paintings, made it possible to assume that one of the characters found on the rocks of Tepsei is depicted in the "trouser armor", the same as the knight from Mount Chalpan. By S.V. Pankova's definition, who has singled out three main groups of soldiers in Tashtyk art, non-indigenous population groups were represented this way. One can make a suggestion that they could also fight in leather or fur pants common among many Siberian peoples, including Tyssins and Tashtyks, and the preserved organics from the burials (Pazyryk, Oglakhtin materials) demonstrates it. This applies mainly to the figures performed by the knockout technique. The analysis of the image sources, the selection of plot and stylistic features allows to expand the characterization of the military affairs of the population inhabited the Minusinsk Hollow during the era of great change, when in the rock art there is a surge of interest to the battle themes reflecting the struggle of the local population with foreigner invaders.

Keywords: archaeology, Prehistory, rock art, Minusinsk Hollow, images of warriors
